

Наблюдение возникновения страхов у ребенка.

Моей дочке Кате сейчас один год и 10 месяцев. Совсем недавно, недели две назад у нее появились первые страхи. Она боится темноты и того, что у нее называется «собака кусит». Девочка не заходит в темную комнату, и, если я неожиданно выключаю свет, пугается и выбегает на освещенное место. Мне приходилось слышать, что к двум годам у детей появляться такие возрастные страхи – страх темноты и страх животных. Но в данном случае меня заинтересовал вопрос: обязательно ли появление страхов у ребенка и какую роль в этом играют его родители.

Поскольку мне точно известно, что ни темнотой, ни собаками мою дочь никто специально или случайно не пугал, пришлось обратиться к самым мелким деталям своего поведения. И вот, что я обнаружила. Действительно, прямо никто не заявляет о том, что темнота может быть опасна, но вот что интересно: заходя в комнату, я всегда включаю свет. Я могу на минутку позволить забежать себе в темную комнату, но только тогда, когда в квартире есть еще кто-то, кроме нас с Катюшкой. Когда мы остаемся с ней вдвоем на весь вечер, то я, оказывается, включаю свет везде, где только можно, не замечая этого. То есть, не смотря на то, что я в общем, не испытываю страха перед темнотой (по крайней мере дома) я веду себя так, как будто темнота действительно может представлять опасность.

И ребенок делает все то же самое. Если я веду ее за руку в комнату, где не горит свет (как я думаю, что с целью профилактики страха темноты), то все спокойны и дочка демонстрирует готовность войти в комнату. Но если даже просто отпустить руку, то девочка требует включить свет. Как только ребенок получает возможность ощущать себя отдельно от сильного взрослого, пропадает чувство защищенности и исчезает чувство страха. Причем, заметно, что со временем страх нарастает. Сначала ребенок боится сам заходить в темную комнату, потом он не зайдет в нее и в присутствии взрослого, и, наконец, откажется войти, даже держась за руки родителей.

Существует способ, помогающий справиться со страхом темноты у ребенка. Предлагается поиграть с ним в полутемной комнате, например, в прятки. Понятно, что с двухлетними детьми играть в игры по правилам гораздо сложнее, чем со старшими дошкольниками, и пока я не представляю себе, что я конкретно буду делать. Но моей задачей сейчас является показать, каким образом поведение родителей может влиять на появление страхов у детей.

Еще более сложным оказался путь возникновения другого страха собаки. С раннего младенчества у ребенка среди других игрушек присутствуют три собаки – две из них мягкие большие игрушки, а одна исполнена макраме и висит на стене. Девочка, сколько я помню, таскает их всегда за уши, откусывает носы и пытается выковыривать глазки. Мне также точно известно, что никаких ситуаций с собаками, могущими испугать ребенка, не было. Катерина совершенно свободно подходила к собакам на улице, даже к тем, к которым бы мне не хотелось, чтобы она подходила. И если я чувствовала себя не совсем уютно, когда она шла поиграть с какой-нибудь большой собакой, то старалась этого не показывать.

Однажды вечером, когда мы были с дочкой одни, она прибежала ко мне из другой комнаты и, явно стараясь меня напугать, сказала: «Абака!». Я спросила: «Где?». Катюша ответила, что нету. Еще через некоторое время, подбравшись ко мне со спины, девочка попыталась меня напугать, сказав: «Ав!». И вот тут я приняла ее игру и всякий раз говорила: «Ой, страшно!», чем очень ее развеселила. Интересно, что играя с ней в «пугалки» еще раньше, я использовала именно это «Ав!». Одновременно с этим ребенка учили как «разговаривают» разные животные: корова, гуси, кошка, собака. Мне кажется, что здесь произошло следующее. С одной стороны родителям всегда хочется максимально обезопасить ребенка, и поэтому ему всякий раз говорить определенным пугающим голосом: «Опасно! Горячее!». Ребенок научается слышать такую интонацию. И когда я говорю Кате: «Не ходи к собачке. У нее свои дела, у нас – свои...», то невольно интонацией высказываю собственный страх, который у меня возник из рационального представления о возможной опасности. С другой стороны, ребенок хорошо

понимает, что такое «пугалки» и научается пугаться именно «Ав!». Но ведь так «разговаривает» собака. Значит собака – страшно.

При этом «пугалки» возможны только при моем серьезном отношении. Ведь не боится ребенок «козы рогатой», которая «забодает-забодает». Просто потому что я не боюсь и получаются не пугалки, а другая игра.

Мне представляется, что всякий раз происходит перенос того или иного родительского страха на ребенка. Присвоение ребенком этого страха. Причем у родителей чаще всего присутствуют некие опасения – представления о какой-либо реальной возможной опасности.

Здесь интересно будет заметить еще такой факт. В моей работе мне пришлось встретиться с интересным феноменом присутствие нерационализированного страха мифических персонажей у взрослых людей. Я предложила нарисовать им свой собственный страх и придумать страшную сказку. У меня занимаются девочки 17-18 лет. Выяснилось, что им с большим трудом удалось нарисовать страхи, а вот сказки писать – уже слишком страшно. Но больше всего меня удивили сами страхи. Это, например, вампиры, домовые, ведьмы. И всякий раз они возникают в связи с темнотой и одиночеством.

Значит, у взрослых сохраняются страхи как то, что до конца не рационализируется и вызывает ощущение неявной угрозы и опасности. Эти страхи, как правило, проецируются на ребенка, принимаются им и сохраняются и во взрослом состоянии, чтобы снова вернуться к детям.